

А. Н. Кашеваров

Экономический аспект антицерковной кампании советского государства. 1958–1964 гг.

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. вошли в историю государственно-церковных отношений как полный драматизма период последних попыток руководства СССР радикально, в кратчайший срок решить религиозную проблему в стране. Времена хрущевской «оттепели» обернулись для представителей различных конфессий лютым «морозом». Сильнейший удар был нанесен и по Русской Православной Церкви (далее — РПЦ) как самой влиятельной в стране.

Существенное изменение курса государственной религиозной политики в СССР было вызвано целым комплексом причин. В партийных «верхах» все больше зрело убеждение в возможности построения в Советском Союзе в скором будущем коммунистического общества, в котором нет места какой-либо религии. Между тем, согласно данным Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР, в стране был заметный рост религиозной обрядности среди населения, что не могло не вызвать сильную тревогу и озабоченность в партийных кругах.

Сыграли свою роль значительные кадровые изменения в партийном и государственном руководстве. В своей борьбе 1957 г. со старой «сталинской гвардией» в Президиуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев в значительной степени опирался на группу идеологов — М. А. Сулова, Е. Е. Фурцеву, П. Н. Поспелова, Л. Ф. Ильичева, выразивших неодобрение практикой работы с религиозными организациями. Относительно спокойные отношения с РПЦ, установившиеся в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., преподносились ими как «пережиток культа личности», который следует ликвидировать, а кадры, осуществлявшие такую церковную политику, сменить. При таком идеологизированном подходе в расчет не принималось, что именно религиозные организации особенно пострадали от репрессивных кампаний вождя народов в 1930-е гг. И если при осуществлении сталинской политики великодержавности, борьбы

Кашеваров Анатолий Николаевич,

доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
kashevar@kbdh.gov.spb.ru

с космополитизмом, замкнутости границ РПЦ не расценивалась как прямо враждебная сила, то с обращением Н. С. Хрущева и его окружения к идее интернациональной сущности коммунизма ситуация менялась коренным образом.

Характерно, что в 1957–1960 гг. прошла настоящая «чистка» Совета по делам РПЦ, закончившаяся отставкой его председателя Г. Г. Карпова. На смену выходцам из спецслужб, которые были исполнителями прежнего курса в отношении РПЦ, в Совет пришли люди из партаппарата. Их умонастроение достаточно точно сформулировал патриарх Алексей I (Симанский), после знакомства с новыми сотрудниками этого учреждения в начале 1958 г. сказавший: «Новым товарищам, вероятно, будет трудно работать (с Церковью. — А. К.), так как они, наверное, были активны в антирелигиозной работе»¹.

Следует также отметить, что власти не устраивала слабая, как им представлялась, роль Московской Патриархии во всемирном православии, недостаточность ее миротворческих усилий. Московская межправославная встреча в мае 1958 г. не выполнила возлагавшихся на нее надежд советского руководства. Представители трех Церквей — Сербской, Элладской и Константинопольской — отказались подписать воззвание к христианам мира с призывом не ослаблять борьбы за мир и способствовать прекращению ядерных испытаний. Кроме того, отсутствие глав пяти автокефальных (независимых) Церквей на московской встрече дало возможность ее критикам и противникам заявлять, что собравшиеся говорили не от имени мирового православия, и поэтому их обращения не столь авторитетны. Соответствующие комментарии появились в западной прессе, что породило негативную реакцию советского руководства, разочарованного слабой эффективностью международных акций Московской Патриархии.

Не последней по значимости причиной наступления на Церковь были и экономические расчеты властей на пополнение государственной казны за счет религиозных организаций, как когда-то в 1922 г. в ходе осуществления кампании по изъятию церковных ценностей. Одновременно наносился удар по материально-финансовой базе РПЦ, подрыв которой занимал важное место среди таких основных направлений нового наступления атеистического государства, как сокращение числа приходов, монастырей, духовно-учебных заведений и вмешательство в административно-управленческую деятельность РПЦ.

16 октября 1958 г. в соответствии с указаниями лично Н. С. Хрущева и решением комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии и культуры Совет Министров СССР принял первые антицерковные постановления: «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». В первом из них монастырям запрещалось применять наемный труд, предусматривалось значительное уменьшение земельных наделов, а также сокращение самого количества обителей. Кроме того, вновь вводился отмененный в 1945 г. налог со строений, резко повышались ставки налога с земельных участков².

Антирелигиозная кампания не случайно началась с наступления на монастыри. Их духовная роль всегда являлась чрезвычайно важной в России. Они были и оставались местами палом-

ничества, важнейшими источниками веры. И во второй половине XX в. православные монастыри сохраняли свое не только духовное, но и экономическое значение в жизни РПЦ. Например, только одна Почаевская лавра в Тернопольской области за 1957–1958 гг. получила от верующих 11 024 посылки и более 16 тыс. переводов на сумму 3,4 млн руб. Среди поступивших в конце 1950-х гг. в обители Закарпатья 84,6 % составляли люди моложе 30 лет³. Однако монастыри не имели «двадцаток» из мирян для своего правового представления перед властями. Таким образом, советское руководство стремилось не только ликвидировать монастыри как центры духовной поддержки верующих, но и поразить их как важное в материальном, и в тоже время слабое в правовом отношении звено РПЦ.

Экономическое давление на монастыри быстро набирало темпы. Постановлением Совета Министров УССР от 1 ноября 1958 г. из 357 га их земель украинским монастырям было оставлено лишь 60, причем Мукачевской обители отказали даже в 2 га огорода и сада. В РСФСР Псковско-Печерскому монастырю из 26,5 га земли оставили только 4,4 внутри двора, да и за ту установили такой высокий налог — 40 руб. с сотки — что впору было от нее отказаться. Председатель Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР Г. Г. Карпов добился от патриарха Алексия I согласия не давать никаких дотаций обителям без санкции Совета, а также запрещения приема в монастыри лиц моложе 30 лет⁴.

Государство также предприняло попытку пресечь существовавшую практику денежных дотаций Патриархии слабым в материальном отношении церковным учреждениям и даже целым епархиям. В. А. Куроедов, сменивший Г. Г. Карпова на посту председателя Совета по делам РПЦ, в апреле 1960 г. обратил внимание патриарха Алексия I на недопустимость подобной практики на том основании, что последняя якобы осуществляется в нарушение советского законодательства. Между тем, в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» ни в одном из пунктов не содержалось прямого запрета на денежные дотации религиозным обществам со стороны их центральных органов. Чтобы практика финансовой поддержки церковным учреждениям выглядела незаконной, Совет просто квалифицировал ее в качестве одной из форм благотворительности, что запрещалось статьей 17-й указанного постановления⁵.

Тяжелый удар был нанесен по основному источнику церковных доходов — производству и продаже свечей. Повышение налога на доход свечных мастерских коснулось каждого прихода. Мастерские были вынуждены отпускать свечи по 200 руб. за кг, и в то же время запрещалось повышать сравнительно низкие цены на них в храмах. Чтобы найти выход, во многих приходах начали распускать платные хоры, уменьшились доходы священников. По московской мастерской увеличение налога на свечи составило 1033 %. В 1959 г. общая сумма налога на свечи увеличилась более чем в 70 раз⁶. По подсчетам петербургского исследователя М. В. Шкаровского, в целом для Патриархии он начал обходиться в 12 млн руб. в месяц, тогда как на содержание духовных учреждений и выплату пенсий вместе тратилось 2,75 млн руб⁷.

Важную роль играло то, что постановление, сообщенное РПЦ 28 октября, вступало в силу с 1 октября, что повлекло за собой взыскание дополнительной платы за уже проданные свечи. Епархии и приходы, не имевшие в запасе денежных средств, оказались в крайне затруднительном положении. Патриархию захлестнула волна отчаянных просьб архиереев о помощи. Так, Ивановской епархии было необходимо заплатить за 4-й квартал 3 млн 88 тыс. руб., а в епархиальной кассе было лишь 100 тыс., у Ярославской епархии соответственно 586 и 37 тыс. и т. д.⁸

Для увеличения размеров налогообложения прихода и обслуживающего его духовенства учитывалась каждая единица проданной продукции религиозного культа. С этой целью фининспекторы самым тщательным образом подсчитывали: сколько продано просфор, ленточек для ношения крестиков (по числу последних устанавливали количество обрядов крещения), «венчиков» и «разрешительных молитв» (по их числу устанавливали количество обрядов отпеваний покойников) и т. д. Финансовые органы неоднократно пересматривали в сторону увеличения размеры денежных налогов с доходов духовенства: в 1959 г. — дважды, в 1960 г. — трижды, в 1961 г. — четырежды. В Патриархию стали поступать жалобы от священников, которые буквально разорялись. Между тем, фининспекторы производили у недоимщиков опись имущества⁹.

Руководство Патриархии отреагировало крайне болезненно. Уже 29 октября 1959 г. Совет по делам РПЦ посетила группа работников хозяйственного управления во главе с председателем архиепископом Макарием (Даевым), которые убеждали в необходимости отменить акты, подрывающие экономическую жизнь РПЦ. Получив твердый отказ, ходатаи заявили, что правительство изыскивает таким способом средства на нужды государства.

Заместитель председателя хозяйственного управления и одновременно личный секретарь патриарха Алексия I Д. А. Остапов в знак протеста даже предлагал отказаться от внешнеполитической деятельности, не принимать иностранные церковные делегации и не давать им денег на подарки. Вскоре Остапов был привлечен к уголовной ответственности за «незаконное» печатание в мастерской Патриархии «венчиков» и «разрешительных молитв». Сверх дозволенных 200 тыс. экземпляров было изготовлено еще 1 млн, и 900 тыс. из них уже продано. Но затем следственное дело прекратили, так как всю ответственность патриарх взял на себя¹⁰. В частных беседах Алексей I рекомендовал церковным организациям закупать свечи через систему государственной торговли, а в особых случаях даже наладить их нелегальное производство. В ноябре он просил власти хотя бы отсрочить введение новых налогов до 1 января 1960 г., но и в этом Патриархии было отказано¹¹.

С принятием 13 января 1960 г. постановления ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства» антицерковная кампания вышла на новый уровень. Речь шла уже об изменении самих основ деятельности РПЦ. В постановлении указывалось, что «вопреки советскому законодательству о культах, предоставлявшему право управления религиозными общинами органам, выбранным из числа самих верующих, церковнослужители сосредоточили все руководство приходами в своих руках и используют это

в интересах укрепления и распространения религии». Совет по делам РПЦ поставил перед руководством Московской Патриархии задачу — пересмотреть отдельные пункты действовавшего с 1945 г. «Положения об управлении Русской Православной Церковью» с тем, чтобы во главе церковной общины был поставлен исполнительный орган, а не настоятель храма. Подчиняясь требованию государства, Архиерейский Собор, состоявшийся 18 июля 1961 г., принял решение о разграничении обязанностей клира и исполнительных органов: настоятели фактически были отстранены от участия в хозяйственно-финансовой деятельности приходских общин, возлагавшейся теперь на их исполнительные органы¹². Архиепископ Симферопольский Лук (Войно-Ясинецкий), предвидя отрицательные последствия реформы, писал, что «отныне подлинными хозяевами Церкви будут только церковные советы и двадцатки, конечно, в союзе с уполномоченными. Высшее и среднее духовенство останутся только наемными исполнителями богослужений, лишенными большей части власти в распоряжении церковными зданиями, имуществом и деньгами»¹³.

В конце 1961 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР была проведена крупная административно-фискальная акция — «единовременный учет религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находившегося в пользовании религиозных организаций». Учет проводился с целью получить о них всестороннюю и точную информацию, в том числе о «самовольно» приобретенном имуществе, незарегистрированных группах верующих, всех постоянно или временно прислуживающих в храмах, а конечном счете для дальнейшего экономического ослабления РПЦ. В справке об итогах учета, составленной Советом по делам РПЦ, уполномоченным предлагалось не выдавать религиозным организациям разрешений на строительство или приобретение каких-либо строений или транспортных средств. У приходов и епархиальных учреждений была изъята значительная часть машин, хозяйственных построек и жилых домов.

Весной 1962 г. все православное духовенство в стране, несмотря на упорное сопротивление, перевели на твердые оклады, а священников, получавших плату за исполнение треб непосредственно от верующих, десятками снимали с регистрации. Особенно сильный удар по РПЦ был нанесен введением к лету 1962 г. жесткого контроля над совершением треб — крещений, венчаний, отпеваний. Все они заносились в специальные книги с указанием фамилий, паспортных данных, адресов участников. Для крещения ребенка требовалось присутствие обоих родителей, а в некоторых случаях их письменные заявления, выдавались квитанции. В некоторых областях пытались ввести регистрацию заздравных и поминальных записок, причастий и т. п. Эта акция преследовала сразу несколько целей. Во-первых, резко усилился налоговый контроль. Деньги за требы стали поступать исполнительным органам церковных «двадцаток», которые сдавали излишки их в фонд Мира. Во-вторых, информация об участии в церковных обрядах передавалась советским официальным органам и, таким образом, могла служить причиной преследований по месту работы или учебы. Например, были случаи исключения из рядов КПСС тех, кто окрестил своих детей.

Именно введение обязательной регистрации совершения таинств и обрядов вызвало снижение их количества в некоторых районах страны, в первую очередь в крупных городах. Многие врачи, инженеры, люди творческих профессий, ученые и студенты были вынуждены прекратить ходить в храмы. Люди старались договориться со знакомым священником, которому доверяли, что он не станет регистрировать их обращения. Но теперь власти стремились выявлять таких «нелояльных к советскому законодательству» представителей духовенства и изгонять их из приходов. Проверки Министерства финансов установили, что сотни священников, переведенных на твердые оклады, получали вознаграждения от верующих. Последовали репрессии в виде снятия этих священнослужителей с регистрации, за остальными был усилен контроль.

31 июля 1963 г. Совет Министров РСФСР издал распоряжение о переоценке страховой стоимости церковных зданий, что вызвало резкий рост суммы платежей.

Вслед за снятием Н. С. Хрущева с занимаемых им постов на Пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г. последовало смягчение официальной политики в отношении религиозных организаций. Новое руководство стремилось продемонстрировать отход от одиозных форм «хрущевского» курса, вызывавших раздражение среди значительной части населения. К тому же, откровенные гонения на РПЦ не принесли желаемых результатов. «Хрущевская» кампания противопоставляла верующих и советскую политическую систему вместо того, чтобы обратить людей в атеистов; загоняла религиозную жизнь в подполье, что было для режима опаснее, чем открытая религиозность; привлекла симпатии многих неверующих людей к страданиям верующих и пробудила интерес мировой общественности к положению религиозных организаций в Советском Союзе. Безусловно, Московская Патриархия понесла тяжелые потери. За период антицерковной кампании с 1958 по 1964 г. на территории СССР с 13 414 до 7551 сократилось количество храмов и молитвенных домов РПЦ, с 56 до 16 — монастырей, с 8 до 3 — духовных семинарий¹⁴. Соответственно снизились и церковные доходы.

Прекращение открытых преследований верующих вызвало уже в 1965–1967 гг. рост церковных обрядов по всей стране, а, следовательно, и доходов. За один 1965 г. доходы Московской Патриархии выросли на 5 млн и достигли 90 млн руб.¹⁵ Таким образом, РПЦ выстояла и на этот раз, и тем самым доказала бесперспективность попыток ее уничтожения путем тотального наступления, включая подрыв ее материальной базы.

¹ Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 238–239.

² Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов. Перепечатка с советского издания «для служебного пользования». Нью-Йорк, 1981. С. 35–36.

³ Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения: церковь и государство в Советском Союзе. Т. 2. М., 1993. С. 186.

⁴ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 364.

⁵ Панков Г. О политике Советского государства в отношении Русской православной церкви на рубеже 50–60-х годов // Религия и демократия: на пути к свободе совести. М., 1993. Вып. II. С. 221.

⁶ Там же. С. 219.

⁷ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь... С. 364.

⁸ Там же. С. 365.

⁹ Панков Г. О политике Советского государства... С. 219; *Василий (Кривошеин), архиепископ*. Из воспоминаний о Соборе 1971 г. // Вестник РХД. 1986. № 147. С. 222.

¹⁰ Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения... С. 33–35.

¹¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь... С. 365.

¹² Деяния Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 18 июля 1961 г. // Журнал Московской Патриархии. 1961. № 8. С. 15–17.

¹³ Лука (Войно-Ясинецкий), архиепископ. «Я полюбил страдание...»: Автобиография. М., 1996. С. 199.

¹⁴ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь... С. 399. — Согласно другим данным, РПЦ в 1958 г. насчитывала 63 обители (*Цыпин В., протоиерей*. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 383).

¹⁵ Там же. С. 391.